

На правах рукописи

ЛАКУНОВА ДИАНА РУСЛАНОВНА

**ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАБАРДИНЦЕВ:
ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Специальность 5.6.4 – этнология, антропология и этнография

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2026

Диссертация выполнена в Отделе этнографии Кавказа Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук»

Научный руководитель:

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна, доктор исторических наук, заведующая Отделом этнографии Кавказа, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН» (г. Санкт-Петербург)

Официальные оппоненты:

Ильясов Леча Махмудович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук» (г. Москва).

Гусейнов Юсуп Магомедович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» (г. Махачкала).

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Защита диссертации состоится «11» июня 2026 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета 24.1.169.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
к.и.н.

Т.С.Киссер

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования, посвященного похоронно-поминальной обрядности кабардинцев, обусловлена совокупностью факторов теоретического и практического характера, связанных с современным состоянием этнокультурных и религиозных процессов на Северном Кавказе.

В эпоху глобализации, сопровождающейся унификацией культурных паттернов и размыванием традиционных ценностей, вопросы сохранения этнической идентичности приобретают особую остроту. Похоронно-поминальная обрядность, являясь одним из наиболее консервативных и сакральных элементов традиционной культуры, выступает в качестве ключевого механизма трансляции этнокультурного кода, поддержания родовой памяти и межпоколенной преемственности. В связи с этим, изучение ее современного состояния и адаптационных стратегий к меняющимся социальным реалиям представляет собой важную научную задачу.

Особая актуальность работы заключается в том, что она фокусируется на периоде конца 2000-х — 2025 годов, который характеризуется интенсивной трансформацией обрядовой сферы у кабардинцев. Данный этап отмечен воздействием ряда взаимосвязанных факторов:

– процессы реисламизации: возвращение религии в публичное пространство и усиление влияния ортодоксальных исламских течений, особенно среди молодежи, вступает в сложное, а подчас и конфликтное взаимодействие с устоявшейся синкретичной обрядностью, основанной на доисламских верованиях (культ души псэ, почитание предков) и нормах «*адыгэ хабзэ*».

– социокультурные изменения: урбанизация, изменение социальной структуры, коммерциализация ритуальной сферы и цифровизация коммуникаций ведут к упрощению, формализации или частичной утрате традиционных ритуальных практик (поминальные трапезы, траурный этикет, институт горевестников).

– цифровая трансформация: появление новых форм коммуникации и репрезентации скорби (соболезнования в мессенджерах, мемориальные страницы в соцсетях) формирует новые практики, требующие научного осмысления.

Несмотря на наличие значительного пласта работ по этнографии адыгов, анализ современной научной литературы, представленный в диссертации, выявляет существенные пробелы. Остаются недостаточно изученными региональные особенности обрядности внутри Кабардино-Балкарии, специфика детской погребальной обрядности и ее трансформация. Требуют углубленного анализа процессы синкретизма и адаптации под влиянием новой религиозности, а также роль обрядов как механизма поддержания социальных связей в условиях глобализации. Комплексное исследование, рассматривающее обрядность в динамике от

архаических истоков до современных трансформаций с привлечением новейшего полевого материала (2020 - 2025 гг.) и анализа цифровой среды, восполняет эти лакуны, что определяет ее научную значимость.

Таким образом, актуальность работы продиктована необходимостью научного осмысления глубоких трансформаций, переживаемых традиционной культурой кабардинцев в начале XXI века, а также потребностью в фиксации и анализе уникального эмпирического материала, отражающего сложные процессы взаимодействия традиции, религии и современности.

Ключевые понятия и термины исследования. Корректное использование терминологии является необходимым условием объективного изучения предмета. При всей дискуссионности некоторых дефиниций, в работе применяется категориально-понятийный аппарат, устоявшийся в большинстве научных трудов.

Адыгэ хабзэ (кабард.-черк. «адыгский этикет») - свод адыгских (кабардинских) этико-правовых норм, обычаев и правил поведения, регулирующих жизнь общества. В контексте работы выступает как системообразующий фактор, противопоставляемый в некоторых дискуссиях ортодоксальным исламским предписаниям; **исэ (кабард.-черк. «душа»)** - центральная категория адыгской традиционной онтологии. Понимается не только как индивидуальная душа человека, но и как универсальная жизненная сила, присущая всему одушевленному миру (животным, растениям, природным стихиям). Выступает «нравственным компасом», объектом метафизической заботы и связующим звеном между человеком, космосом и предками; **культ души** - комплекс архаических представлений и обрядовых действий, сформировавшихся вокруг веры в существование души, её бессмертие и способность влиять на мир живых. Является смысловым ядром всей похоронно-поминальной обрядности; **культ предков** - развитая форма почитания умерших, основанная на вере в неразрывную связь усопших с живыми потомками. Проявляется в стремлении умиловить души предков, обеспечить их благополучие в загробном мире и заручиться их покровительством, что, в свою очередь, считалось залогом благополучия рода; **хьэдрыхэ (кабард.-черк. «загробный мир»)** - традиционное понятие о потустороннем пространстве, куда отправляется душа после смерти. В народных представлениях имеет сложную структуру (делится на светлую и темную сферы) и тесно связан с миром живых через ритуалы поминовения; под **«арханкой»** в данной работе понимается комплекс верований и практик, восходящих к доисламской, традиционной культуре и реконструируемых на основе данных фольклора, этнографических описаний XVIII-XIX вв., а также сохранившихся в переосмысленном виде ритуальных элементов, которые, возникнув в культурной древности, продолжают существовать в качестве устойчивых «отголосков» или «реликтов» в последующие эпохи, вплоть до современности. Это делает её ценным источником для реконструкции этнической истории и традиционного мировоззрения кабардинцев;

«язычество» в контексте работы – термин, применяемый к носителям доисламских политеистических культов древних адыгов. Понятие используется при обращении к историческому прошлому и реконструкции архаичных религиозных представлений, впоследствии интегрированных в исламскую традицию. Выбор термина продиктован не только научной традицией, но и полевой практикой: сами информанты в ходе интервью, не вдаваясь в строгую научную или теологическую трактовку, обозначают этим словом доисламские верования своих предков.

При употреблении понятия **«мусульманское духовенство»** необходимо учитывать его условный характер. В исламе отсутствует институт, аналогичный христианскому духовенству, ни с точки зрения выполняемых функций, ни с точки зрения структурной организации. **Салафизм** квалифицируется как направление суннитского ислама, последователи которого в разные эпохи апеллировали к необходимости равняться на жизненный уклад и религиозные установления раннеисламской общины, объявляя нововведениями все последующие новшества. Их принципиальное противоречие с локальной исламской традицией связано с отрицанием возможности какого-либо посредничества (даже со стороны шейхов) между Богом и человеком. В качестве своей основной миссии салафиты провозглашают борьбу за освобождение ислама от чужеродных, на их взгляд, включений, базирующихся на культурных, этнических или прочих особенностях конкретных мусульманских народов. Термин **«реисламизация»** используется как термин, обозначающий «возрождение ислама» то есть укрепление исламских норм на территории Кабардино-Балкарской Республики, которая традиционно считается мусульманской республикой, но в советский период «приобрела светскую направленность». В контексте данной темы и региона этот термин показался нам более подходящим, чем термин «исламизация». В работе используется термин **«новые мусульмане»**, отказавшись намеренно от понятий «салафизм» и «ваххабизм» поскольку не всех адептов данных течений можно безоговорочно отнести к числу радикалов. В контексте работы термин **«традиционалисты»** – это представители старшего поколения, интеллигенция (в лице ученых, писателей, публицистов), а также этнокультурные и общественные организации и активисты. Они придерживаются устоявшихся, синкретичных форм «народного ислама» и считают своей главной целью сохранение и возрождение традиционной адыгской культуры, этики и мировоззрения, чтобы не допустить размывания национальной идентичности. Для них обряды выступают незыблемым культурным кодом и частью этической системы адыгэ хабзэ, а их соблюдение является формой социальной солидарности и уважения к памяти предков.

Степень научной разработанности темы. Изучение похоронно-поминальной обрядности кабардинцев (адыгов) имеет длительную историю (которая развивалась в рамках этнографии, антропологии и кавказоведения), в ходе которой научное знание последовательно прирастало за

счет расширения источниковой базы, смены методологических подходов и углубления анализа. Эволюция исследовательского интереса к данной теме прошла несколько отчетливых этапов, каждый из которых вносил качественно новые аспекты в ее понимание.

Первые сведения о погребальных и поминальных практиках адыгов были зафиксированы в трудах западноевропейских и российских путешественников, миссионеров, военных и административных деятелей, посещавших Северный Кавказ в разные исторические периоды и непосредственно наблюдавших за жизнью, нравами, бытом народов этого региона. Эти работы носят описательный характер, как часть общего этнографического описания народа, без научного анализа. Так или иначе тему похоронно-погребальных и поминальных обрядов адыгов затронули в своих работах Дж. Интериано, Дж. Лукка, И. Бларамберг, А. Берже, Л. Я. Люлье и др. Особенно стоит отметить работы Л. Я. Люлье. В своей работе Л. Я. Люлье впервые предпринял попытку реконструкции исконного пантеона адыгов и описания их обрядовой практики. Исследователь указывал на сложную природу этих верований, видя в них сплав архаичных представлений, христианских и мусульманских влияний¹. И хотя он затронул только малую часть верований адыгов, это была первая научная работа, связанная с описанием верований и религиозно-обрядовой практики адыгов. Таким образом, данный этап расширил знания за счет первичной фиксации и каталогизации ритуальных практик.

В советский период изучение обрядности развивалось в рамках этнографии и археологии, часто с идеологическими ограничениями. Тем не менее, были опубликованы ценные материалы по погребальным сооружениям и обрядам (А.Ж. Кафоев, А.Х. Нагоев, Е.И. Крупнов). Однако специального анализа ментальных и символических аспектов похоронно-поминальной обрядности в этот период практически не проводилось. С середины XX века изучение обрядности приобрело более системный и фундаментальный характер. Активная собирательская деятельность этнографов привела к значительному накоплению знаний о культуре региона в ходе многочисленных экспедиций, что значительно обогатило эмпирическую базу. Во-вторых, ключевую роль сыграло вовлечение в научный процесс национальной интеллигенции, глубоко понимавшей культурный контекст. И, несмотря на отсутствие систематизации и научного анализа, эти работы заложили основу для дальнейшего изучения вопроса и был сделан крупный шаг в описании верований адыгов. Работа Л. И. Лаврова², вышедшая в конце 50-х годов, опиралась на этнографический материал и была посвящена описанию наиболее важных религиозных верований и обрядов адыгов. Л. И. Лавров был тем исследователем, кто впервые выделил обряды, связанные с культом дерева, культом железа, и древние обряды до принятия монотеистических религий, а также отношение местных жителей к различным божествам и

¹ Люлье Л. Черкесия: историко-этнографические статьи. Краснодар. 1927.

² Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 193-236.

описание обрядов и праздников, связанных с их почитанием. Среди исследований, опирающихся на полевые материалы, следует выделить труды Е.И. Крупнова, где анализ погребальных обрядов проводился на стыке археологии и этнографии. В свою очередь, С.Х. Хотко в своих работах основное внимание уделил непосредственному описанию похоронных ритуалов.

Среди научных трудов этого периода особого внимания заслуживают работы первых адыгских этнографов – Султана Хан-Гирея, Адиль-Гирея Кешева и Шоры Ногмова.

С 1990-х гг. отмечается рост интереса к этническому своеобразие и духовному наследию народов Кавказа. Появляются работы, в которых похоронно-поминальные ритуалы интерпретируются как часть целостной системы традиционного мировоззрения и этики (адыгэ хабзэ). Значительный вклад внесли исследования Б.Х. Бгажнокова, обратившегося к философии бытия адыгов и концептам «жизнь» и «смерть», а также работы А.Т. Шортанова и С.Х. Мафедзева, где обрядность рассматривается в контексте культурной традиции. На фоне роста национального самосознания, расширения исследовательских методов и научного аналитического инструментария появляются новые концептуальные подходы к интерпретации традиционного духовного наследия адыгов. К примеру, в трудах Х.Г. Тхагапсоева, анализирующего идентичность в системе культурных (в том числе религиозных) смыслов, первым типом идентичности, присущим человеку «от рождения», автор считает «сакрально-временный». Эта концепция позволяет выйти за рамки простого описания обрядов и объяснить, почему те или иные действия переживаются участниками как безусловно необходимые и наделенные высшим смыслом, укорененным в традиции «от рождения».

На данном этапе знание прирастало за счет перехода от внешнего описания к структурно-функциональному анализу обряда внутри его собственной культурной логики, хотя рамки господствовавшей методологии часто ограничивали изучение религиозно-символических аспектов. Большое внимание в данном исследовании уделено трудам А. Т. Шортанова, где автор выводит целостную картину мифологических представлений адыгов с древнейшего времени и характеризует исторический путь развития хтонических, космогонических и тератологических персонажей, опираясь на обрядовую практику адыгов.

Также представляет интерес и работа Б.Х. Бгажнокова «Черкесское игрище»³, где описаны уникальные явления адыгской культуры, а именно *джэгу* - широкомасштабные празднества, игрища, складывавшиеся веками и отражающие древние формы верований адыгов. Также этнограф обращается к этике адыгов, к их философии бытия, к сложившимся в коллективном сознании концептам «жизнь» и «смерть». В частности, исследуется проблема восприятия смерти в ментальном сознании народа.

³ Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.

Особо следует упомянуть о конкретных исследованиях и описаниях обрядовой жизни адыгов, ставших для нас важным подспорьем в последовательном изложении основ обрядовой культуры. Большой вклад в этнографическое изучение традиционных обрядов адыгов внес С.Х. Мафедзев - автор целого ряда монографических исследований.

Современный этап (рубеж XX-XXI вв. — по настоящее время) ознаменован качественным расширением исследовательской оптики и методологического аппарата. Расширение знания обеспечивается за счет междисциплинарного синтеза, применения теорий и концепций социальной и культурной антропологии, семиотики. Это позволило переосмыслить обрядность как активный социальный институт, механизм конструирования коллективной памяти, идентичности и коммуникации между мирами живых и умерших.

Фундаментальное исследование Е.А. Ахоховой «Адыгский религиозный синкретизм»⁴ углубили понимание исторического религиозного синкретизма. Автор не только анализирует различные элементы похоронно-поминального обряда, но и раскрывает их истоки, а также объясняет происхождение некоторых погребальных практик и ритуалов.

Работы постсоветского периода отличаются научным подходом, но акцент делается на социально-экономических аспектах, что ограничивает изучение символического и культурного значения обрядности. Изучение похоронно-поминальной обрядности стало более детальным и междисциплинарным. Научный интерес был направлен на три ключевых направления: культурные, религиозные и символические основы обрядности, а также её динамика и трансформация в новейшей истории. Данный подход положил начало исследованию изменчивости этих практик под воздействием модернизационных процессов. В данном направлении можно выделить работы И.З. Богатырёвой, посвящённой традиционным и инновационным аспектам кабардинской обрядности; философские труды М.А. Шенкао, где ученый обращается к адыгскому сознанию и определению смысла жизни и месту в ней смерти; работы Т.Р. Загазежева, в которой прослеживается эволюция погребальных и поминальных ритуалов адыгов с позднего средневековья до современности. В научный оборот кавказоведения проблематику смерти как культурного феномена ввела Е.А. Нальчикова в своей работе «Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов»⁵. Ее исследование демонстрирует, что в адыгском обществе смерть являлась не просто биологическим фактом, но значимым компонентом традиционной культуры, упорядочивавшим практики повседневности. Работы, написанные в соавторстве Е.А. Нальчиковой, М.А. Текуевой, М.Х. Гутовой направлены на изучение ментального восприятия смерти, повседневных практик и трансформаций обрядности в условиях глобализации. Особое внимание уделяется культурным заимствованиям и

⁴ Ахохова Е. А. Адыгский религиозный синкретизм: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 1996.

⁵ Нальчикова Е. А. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2007.

взаимодействиям между разными этническими группами Северного Кавказа. Их научные работы также отражают современные трансформации в обрядной практике.

Теоретические разработки российских ученых предоставили инструментарий для анализа ритуала в условиях коммерциализации и урбанизации. Таким образом, на современном этапе знание прирастает за счет перехода от изучения структуры к анализу процессов, от констатации традиции к исследованию ее адаптации и реинтерпретации в меняющемся мире. Методологический фундамент для такого подхода заложен в работах, где ритуальные практики анализируются как особая «грамматика» (Н. Паня), регулирующая порядок взаимодействия с сакральным, и как семиотическая система, кодирующая культурные коды (М.С. Степанов). Так, С.В. Мохов в своей работе проводит историко-социологический анализ трансформации этого института, показывая, как под влиянием модернизационных процессов и коммерциализации («похоронная индустрия») переосмысляются сами формы присутствия умерших в жизни живых. Коллективная монография С.В. Соколовского, Е.С. Данилко и Е.Г. Чесноковой актуализирует междисциплинарный диалог, представляя смерть как проблему социальной антропологии, а ритуалы - как механизм конструирования и поддержания социальных связей в «мире живых». Исследование Л.М. Пантелеевой и С.В. Хоробрых углубляет этот анализ на лингвoseмиотическом уровне, демонстрируя, как вербальные и невербальные практики в деревенской и городской средах формируют специфические конфигурации сакрального пространства и времени. Таким образом, в трудах указанных авторов формируется целостная исследовательская парадигма, в центре которой находится культ души как ключевой элемент, опосредующий сложную систему коммуникации, структурирования коллективного опыта и воспроизводства социального порядка через погребальные и поминальные ритуалы.

Для реконструкции архаичных пластов культуры посредством сравнительного анализа и выявления региональных вариаций общекавказских обычаев были привлечены фундаментальные работы ведущих кавказоведов. Значительный интерес представляет монография Р.М. Барцыц «Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике»⁶, где подробно исследуется взаимодействие автохтонных верований с мировыми религиями на материале культовых мест и современных обрядовых практик. Существенный вклад в понимание этнокультурной динамики внесла работа Ш.Д. Инал-Ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов»⁷, содержащая систематизированные данные по традиционной обрядности и ее историческим трансформациям. Особую ценность для

⁶ Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике: монография. М., 2009.

⁷ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

исследования представляют полевые материалы Г.Ф. Чурсина, зафиксировавшие уникальные этнографические свидетельства середины XX века.

Наряду с анализом обширного этнографического материала, в поисках общих культурных кодов мы опирались на классические труды Д.Д. Фрэзера и В. Вундта, а также на современные исследования похоронно-поминальной обрядности, представленные в работах М.С.-Г. Албогачиевой, М.К. Мусаевой, Р.Ш. Зельницкой, И.В. Стасевич и Р.И. Сафербекова и др. Для анализа трансформаций социально-исторических, религиозных и политических процессов, связанных с феноменом «исламского возрождения», в исследовании были привлечены труды В.Х. Акаева и М.Х. Мамадиева, А.А. Ярлыкапова и А.З. Адиева, А. Таковой и др.

Важное значение в анализе сакральных кодов архаичной культуры абхазо-адыгов сыграла концепция иерофаний Мирче Элиаде, однако, в данном диссертационном исследовании предлагается светско-сакральное понимание этого феномена, тогда как у Элиаде иерофании понимаются исключительно в религиозном ракурсе.

Таким образом, историография демонстрирует эволюцию от описательной фиксации обрядов к глубокому междисциплинарному анализу. Однако остаются значительные пробелы, что определяет актуальность дальнейшего изучения темы; обряды изучены достаточно подробно, но остаются вопросы, связанные с региональными различиями и трансформацией обрядов в современных условиях; поминальные обряды исследованы в меньшей степени, особенно в контексте их временных циклов и изменений в современном обществе; роль религиозных аспектов, а именно влияние ислама на традиционные обряды изучено, но недостаточно исследованы процессы синкретизма и адаптации; роль обрядов в поддержании социальных связей и памяти о предках изучена, но требует уточнения в условиях глобализации; недостаточно исследованы региональные особенности похоронно-поминальной обрядности кабардинцев; требуют уточнения вопросы, связанные с гендерными аспектами обрядности и их трансформацией; недостаточно работ, посвященных сравнительному анализу похоронно-поминальных обрядов кабардинцев с традициями других народов Кавказа.

Объект исследования — традиционная похоронно-поминальная обрядность кабардинцев как часть их этнокультурного наследия.

Предмет исследования — структура, функции, символика и современные трансформации похоронно-поминальных обрядов кабардинцев, включая их связь с религиозными представлениями и этнической идентичностью.

Целью исследования является комплексное изучение похоронно-поминальной обрядности кабардинцев в её традиционных формах и современных трансформациях, выявление её функций, символики и роли в сохранении этнокультурной идентичности.

Достижение указанной цели требует решения ряда **задач**:

– реконструировать архаические основы обрядности: выявить и проанализировать традиционные религиозно-мифологические представления кабардинцев о душе (псэ), смерти и загробном мире как смысловое ядро похоронно-поминальных практик;

– проанализировать структуру, символику и пространственную организацию традиционных ритуалов: исследовать внутреннюю логику, символические коды и пространственную семантику погребальных и поминальных обрядов, включая их корреляцию с обрядами деторождения и культом предков;

– исследовать современное состояние и динамику обрядности: провести сравнительный анализ традиционных и современных форм поминовения, описать актуальные практики захоронения и выявить специфику детской погребальной обрядности;

– оценить влияние реисламизации и определить функции обрядов в современности: проанализировать воздействие процессов реисламизации на обрядовую сферу в начале XXI в. и определить социальные, психологические и этноконсолидирующие функции погребально-поминальных практик в условиях трансформации;

– выявить системную роль и основные тенденции развития обрядности: определить роль обрядов как системообразующего фактора традиционной культуры и охарактеризовать ключевые векторы и тенденции её трансформации в современный период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 2000-х годов по настоящее время. Этот отрезок рассматривается как самостоятельный этап, на котором похоронно-поминальная обрядность кабардинцев подвергается интенсивной трансформации под влиянием новых общественных и религиозных реалий, а также под влиянием цифровых технологий. Для реконструкции традиционной модели обрядности и выявления устойчивых элементов, подвергающихся модификации, в диссертации в сравнительном ключе привлекается материал по более ранним историческим периодам (XVIII-XIX вв.), а также сохранившиеся в переосмысленном виде ритуальные элементы. Его анализ, наряду с рассмотрением периода исламизации и советской эпохи, не расширяет прямые хронологические рамки, но является необходимым условием их научного осмысления. Эмпирическая база включает полевые материалы, собранные автором в 2020-2025 гг., что позволяет проследить эволюцию похоронно-поминальной обрядности кабардинцев в динамике.

Территориальные рамки исследования охватывают преимущественно Кабардино-Балкарскую Республику (Российская Федерация) как основной ареал проживания кабардинцев. Исследование фокусируется на традициях кабардинцев (восточных адыгов), исторически сложившихся в центральной части Северного Кавказа. Анализ современных трансформаций обрядности (включая влияние реисламизации) проводится на материале, собранном в

населенных пунктах Кабардино-Балкарии, где проживает основная часть этнических кабардинцев. Привлекаются данные по определенным регионам, где проживают другие адыгские субэтноты (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Краснодарский край, Республика Абхазия) для выявления архаичных черт в похоронно-поминальной обрядности.

Методология данного исследования основана на синтезе классической полевой этнографии и современных практико-ориентированного и феноменологического подходов. Эта стратегия позволяет, с одной стороны, обеспечить надежный сбор и систематизацию эмпирического материала в духе традиций отечественной этнологии, а с другой - провести его глубокий анализ, вскрывающий механизмы воспроизводства и трансформации культуры в повседневных действиях.

Традиционные методы полевой этнографии были направлены на сбор и анализ эмпирического материала. Эмпирическую базу исследования составляют полевые материалы, собранные автором в Кабардино-Балкарской Республике, а также анализ архивных данных и научной литературы. В работе применяются методы интервьюирования, включенного наблюдения и сравнительного анализа, что позволяет выявить как общие тенденции, так и локальные особенности погребально-поминальной обрядности.

Собранный материал записывался в полевой дневник, дополнялся фотографиями и видеосъемкой. В зависимости от целей исследования работа велась либо в пределах одного населённого пункта, либо охватывала несколько соседних поселений для перекрёстной проверки данных. Записи осуществлялись на кабардинском и русском языках, что обеспечивало максимально точное документирование информации. При отборе информантов учитывались их возраст, место рождения, родовая и религиозная принадлежность, что позволяло получить репрезентативные данные о различных аспектах изучаемой культуры.

Ключевым методом сбора материала стали личные беседы с носителями традиции, в ходе которых проводился сравнительный анализ прошлого и современного состояния этнокультурных практик. Особое внимание уделялось сохранности традиционных обычаев, эволюции верований и изменениям в погребально-поминальной обрядности.

Сбор эмпирического материала осуществлялся с опорой на принципы **глубинной этнографии** и **включённого наблюдения**, где исследователь выступает не как сторонний регистратор, а как участник, стремящийся понять логику практик «изнутри». Автор принимал непосредственное участие в ключевых обрядовых действиях (омовение, организация поминок, приготовление трапезы), что позволило зафиксировать не только вербальные нарративы, но и телесный, сенсорный и эмоциональный опыт. Эта включённость также стала реализацией методологии **антропологии движения (по А.В. Головнёву)**, позволившей проследить динамику и моторику ритуала, его пространственную организацию и визуальные коды. Работа велась в

нескольких населённых пунктах КБР для обеспечения репрезентативности и перекрёстной проверки данных.

Методологическая основа исследования характеризуется междисциплинарным характером, сочетающим принципы исторического, культурологического и антропологического анализа. **Сравнительно-исторический** анализ применяется в данной работе не как механическое сопоставление статичных форм, а как инструмент выявления логики трансформации. В духе отечественной этнологической школы (**Ю. В. Бромлей, С. А. Токарев**) он направлен на реконструкцию исторических слоёв обрядности (архаического, религиозного, современного) и понимание стратегий адаптации традиционных структур к новым социальным условиям. Этот метод, критически переосмысленный и обогащённый данными полевой этнографии, позволяет увидеть в современном ритуале не «разрушение» традиции, а её динамичное развитие.

Также применялся **системный** подход, который позволил рассмотреть похоронно-поминальные обряды как целостный феномен, связанный с традиционным мировоззрением и социальной организацией этноса, анализировать его функции в структуре этнической культуры (например, роль обрядов в социализации, сохранении идентичности и формировании культурного кода).

Дополнительно использовался **сравнительно-компаративный** метод, который, будучи существенно обогащён трудами **В. А. Тишкова**, способствовал выявлению универсальных и специфических черт в обрядовой культуре адыгов. Его применение позволило определить закономерности развития ритуальных практик и провести культурные параллели.

Для раскрытия темы использованы различные методы исследования с опорой на современных авторов и классические труды отечественных и зарубежных исследователей, легших в основу этнографических методов.

Интерпретативный подход в исследовании культуры опирается на несколько взаимосвязанных методических принципов. Центральное место среди них занимает создание «насыщенного описания» **К. Гирца** — детального описания смыслов социальных действий, стремящегося максимально приблизиться к тому, как эти смыслы воспринимаются и переживаются самими носителями культуры. Не менее важным является требование работать с «близкими к опыту» понятиями, то есть использовать категории и язык, органичные для изучаемого сообщества, а не навязывать ему внешние теоретические схемы. Результатом такого анализа становится «народное описание» - синтезированная интерпретация, которая выступает связующим звеном между мировоззрением информантов и концептуальным языком исследователя.

Этот подход дополняется **процессуальным анализом** и теорией ритуала **В. Тэрнера**. Его концепция лиминальности (промежуточного, «порогового» состояния) позволяет

интерпретировать период между смертью и завершением поминок как особое социальное время-пространство, где приостанавливаются обычные нормы, обостряются эмоциональные связи и возможна трансформация статусов (например, живых, становящихся «проводниками» усопшего, или самого покойного, переходящего в категорию предка). Символический анализ Тэрнера, выявляющий многозначность ритуальных объектов (зеркало, лакум, платок), позволяет увидеть, как в конкретных материальных действиях проявляются фундаментальные представления сообщества о жизни, смерти и границах между мирами.

Исследование получило интерпретативную глубину благодаря интеграции методологических принципов **феноменологической социологии** Альфреда Шюца и **этнометодологии** Гарольда Гарфинкеля. Концепция Шюца предоставляет ключ к пониманию того, как формируется и поддерживается intersубъективный «жизненный мир» сообщества. В этом мире ритуальные действия - определённый цвет одежды, использование устойчивых формул соболезнования (кабард.-черк. *«Тхьэм фцимыгъэгъуицэкIэ»*), строгая последовательность обрядов - воспринимаются участниками как самоочевидные и наделённые общим смыслом. Эти практики, передаваемые через поколения (например, приготовление конкретных блюд или соблюдение поминальных сроков), образуют основу коллективного переживания утраты. Шюц объясняет, почему подобные ритуалы кажутся естественными и неоспоримыми: они укоренены в дорефлексивном слое сознания и структурируют саму возможность взаимопонимания в критической ситуации. Этнометодология Гарфинкеля, развивая эту традицию, смещает фокус с анализа устойчивых смыслов на исследование практических методов, с помощью которых участники в реальном времени создают, поддерживают и «чинят» социальный порядок. Этот подход позволяет увидеть, как в ходе самого ритуала его правила непрерывно подтверждаются, воспроизводятся или ситуативно адаптируются.

Сочетание этих методов даёт мощный инструментарий для понимания похоронных традиций как живого социального механизма, помогающего людям справляться с потерей и сохранять внутриобщинные связи. Данный подход позволяет одновременно фиксировать глубинные смыслы ритуалов и наблюдать, каким образом в конкретных ситуациях носители традиции поддерживают или видоизменяют устоявшиеся практики. Особую значимость это приобретает в современных условиях, когда архаичные обряды трансформируются под влиянием новых реалий: такой подход даёт возможность проследить, какие элементы ритуалов сохраняют устойчивость, а какие постепенно уходят в прошлое.

Источниковая база диссертационного исследования носит комплексный и многоплановый характер, отражая междисциплинарный подход к анализу похоронно-поминальной обрядности кабардинцев. Она включает несколько взаимодополняющих групп материалов, обеспечивающих

историческую ретроспективу, реконструкцию традиционных форм и фиксацию современных трансформаций.

Наиболее информативную и объёмную группу составили полевые этнографические материалы, собранные автором в ходе многолетних экспедиций (2020–2025 гг.) в районах Кабардино-Балкарской Республики. В их числе - аудиозаписи глубинных интервью с носителями традиции разных поколений, полевые дневники с детальным описанием ритуальных практик, а также фотодокументация обрядов. Особую научную ценность представляет опыт включённого наблюдения, в том числе непосредственное участие в ключевых действиях, что позволило зафиксировать не только внешнюю процедурную сторону, но и внутреннюю символическую логику ритуалов.

Отдельным и новым значимым источником стали материалы цифровой среды (киберпространства). Для анализа современных дискуссий, трансформации норм и особенно позиции молодежи были изучены публичные коммуникации в социальных сетях, на тематических форумах и региональных интернет-порталах. Контент-анализ постов, комментариев, видеоблогов и публикаций, посвященных вопросам похорон, поминок, траура и религиозных предписаний, позволил выявить живые, зачастую конфликтные, обсуждения между приверженцами традиции, сторонниками «чистого» ислама и представителями светских взглядов. Этот источник предоставил уникальные данные о формировании новых ритуальных практик, нормативных спорах и изменениях в массовом сознании, которые часто остаются за рамками официальных интервью.

Важнейшим источником для исторической реконструкции и выявления динамики обрядности стали архивные документы. Основу этой группы составили неопубликованные архивные материалы из фондов Института гуманитарных исследований - филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН (рукописи, полевые дневники, исторические свидетельства и отчёты), содержащие уникальные записи этнографических экспедиций прошлого, что обеспечило базу для сравнительно-исторического анализа.

Для реконструкции архаичных пластов мировоззрения и выявления исконных смыслов обрядности были привлечены фольклорно-этнографические и лингвистические источники. Особое значение имеют эпические памятники, прежде всего «Нартский эпос», и собрания кабардинского фольклора, сохранившие отражение древних ритуальных практик и мифологического сознания. Этнолингвистические материалы и словари позволили проанализировать сакральную терминологию, связанную с ключевыми концептами, такими как душа.

Ввиду синкретического характера изучаемой обрядности, существенное внимание уделено религиозным источникам. В исследовании использованы вероучительные тексты ислама - Коран

и сунна, а также труды мусульманских богословов, посвящённые вопросам вероучения и практики, что позволило оценить степень и механизмы влияния исламской догматики на традиционные ритуалы.

Теоретико-методологический фундамент и сравнительный контекст работы обеспечила обширная научная литература - труды отечественных и зарубежных этнографов, антропологов, религиоведов и кавказоведов.

Таким образом, привлечённый комплекс разнотипных источников создаёт надёжную основу для всестороннего изучения объекта - от реконструкции его архаических истоков до анализа сложных процессов трансформации в современный период, обеспечивая достоверность и обоснованность выводов диссертационного исследования.

Научная новизна исследования состоит в комплексном и системном анализе похоронно-поминальной обрядности кабардинцев как многокомпонентного феномена, рассмотренного в диахроническом аспекте — от исторически сложившихся форм до их современных трансформаций, обусловленных процессами реисламизации, глобализации и социокультурными изменениями начала XXI века.

Теоретическая значимость работы подкрепляется введением в научный оборот обширной источниковой базы, включающей полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиций 2021–2025 гг., ранее не исследованные архивные документы, а также данные цифровой среды (контент социальных сетей, форумов, видеоблогов), что позволило впервые проанализировать ритуальные практики с учетом современных форм коммуникации и репрезентации традиции.

В работе реализован многоаспектный методологический подход, интегрирующий этнографический, антропологический, религиоведческий и культурологический инструментарий. Это дало возможность раскрыть глубинные семантические пласты обрядности: выявлена и обоснована устойчивая символическая связь между погребальными практиками и представлениями о плодородии и непрерывности жизненного цикла, концептуально выраженная в формуле «Л1эрэ лъхуэрэ». Впервые детские погребальные обряды выделены в самостоятельную семиотическую систему, отражающую специфику представлений о неполной социализации ребенка, и прослежена их трансформация под влиянием традиционных запретов, исламских норм и современных социальных установок.

Новизна исследования заключается также в разработке новых аналитических категорий, таких как «пространственная семантика культа души», «возрождение обрядности через изменение значений», а также в обосновании значимости интернет-источников для изучения конфликтов традиционных и религиозных норм в ритуальной сфере.

Существенным вкладом в науку является анализ процессов трансформации обрядности под влиянием реисламизации: впервые систематизированы и классифицированы различные формы

адаптации доисламских ритуальных элементов к канонам ислама, выявлены механизмы сохранения и репрезентации этнокультурной идентичности через ритуальное пространство. Итогом этого анализа стал вывод о том, что современная похоронно-поминальная обрядность кабардинцев представляет собой сложный синтез исламских норм, архаических верований и элементов этико-правовой системы «адыгэ хабзэ». Особую ценность представляет исследование новейших тенденций модификации традиции в условиях глобализации и урбанизации, что имеет непосредственное значение для понимания и сохранения культурного наследия в эпоху мировоззренческих и межпоколенческих разногласий.

Положения, выносимые на защиту

1. Похоронно-поминальная обрядность кабардинцев представляет собой структурно-смысловое единство, сформированное вокруг архаического культа души (*псэ*) и предков, которое, несмотря на исторические наслоения исламской догматики и современные трансформации, сохраняет роль смыслового ядра, определяющего логику, символику и социальные функции ритуального комплекса вплоть до настоящего времени.

2. Современная ритуальная практика не является ни «чистым» исламом, ни сохраненным доисламским комплексом, а представляет собой исторически сложившийся и динамичный **религиозный синкретизм**. Этот синкретизм соответствует общей картине "религиозной мозаики" Кавказа, где мировые религии веками взаимодействовали с автохтонными верованиями⁸. В нем исламские нормы и представления органично, но противоречиво интегрированы с архаическими пластами верований (анимизм, культ предков, природные культы), что подтверждается анализом таких элементов, как сакрализация поминальной пищи, практики избегания и специфическая траурная символика.

3. Основным фактором интенсивной трансформации обрядности в начале XXI века выступает процесс **реисламизации**, который порождает не унификацию, а внутренний раскол и конфликт интерпретаций. Этот конфликт проявляется в противопоставлении традиционного синкретичного «адыгства» (*адыгэ хабзэ*) и ортодоксальных исламских дискурсов, что ведет к пересмотру, упразднению или гибридизации конкретных ритуальных практик (отказ от поминальных трапез, изменение траурного этикета, критика надгробных изображений).

4. Существует глубокая **символическая и структурная корреляция** между похоронно-поминальными обрядами и обрядами деторождения в традиционной культуре кабардинцев, основанная на общих принципах защиты сакральных границ, магико-симпатических практиках и представлениях о переходе души. Это единство отражается в парных концептах («*Ллэрэ лъхуэрэ*» - «Тот, кто рождает, и тот, кто умирает - равны») и схожих обережных ритуалах, маркирующих ключевые переходы в жизненном цикле.

⁸ Арутюнов С.А. Общий очерк религиозной мозаики Кавказа // Расы и народы. М., 2006. Вып. 31. С. 5–12.

5. **Детская погребально-поминальная обрядность** представляет собой не просто упрощенный вариант взрослой, а особую символическую систему, отражающую традиционные представления о неполной социализации ребенка. Ее современная трансформация носит наиболее противоречивый характер, находясь на пересечении традиционных табу, усиливающейся социальной ценности детства и радикальных исламских интерпретаций, что ведет к поляризации практик - от стремления к «полноценным» похоронам младенца до полного отказа от внешних проявлений скорби как религиозного нарушения.

6. В условиях социокультурных изменений похоронно-поминальные обряды выполняют **двойственную системообразующую функцию**: с одной стороны, они остаются ключевым механизмом сохранения и трансляции этнокультурной идентичности, с другой - служат инструментом адаптации сообщества к вызовам глобализации, урбанизации и религиозного плюрализма, что подтверждается их видоизмененной, но устойчивой ролью в социальной интеграции и психологической адаптации к утрате.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке концептуальной модели функционирования обрядовой системы как важнейшего элемента традиционной культуры, выполняющего не только ритуально-религиозные, но и социально-интегративные функции. В научный оборот введен значительный объем новых полевых материалов, собранных автором в ходе экспедиционных исследований в Кабардино-Балкарской Республике, что существенно расширяет источниковую базу для дальнейших исследований в данной области.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для дальнейшего изучения этнокультурных процессов на Северном Кавказе, а также для разработки рекомендаций по сохранению и адаптации традиционных обрядов в условиях современности. Материалы диссертации могут быть полезны для этнографов, религиоведов, культурологов, а также для представителей местных сообществ, заинтересованных в сохранении своей культурной идентичности.

Апробация и степень достоверности исследования

Отдельные положения диссертации представлены в 8 научных публикациях объемом 4,6 п.л., в том числе: в 4 - рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ изданиях (из них 1 статья в журналах базы SCOPUS), общим объемом 2,8 п.л., а также в статьях научных сборниках и материалах конференций. Материалы и выводы исследования были представлены на всероссийских и международных конференциях, а также на ежегодных научных мероприятиях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: семинаре Отдела этнографии Кавказа «Кавказ: перекресток культур» и Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтениях.

Степень достоверности диссертации подтверждается введением в научный оборот

значительного объема нового этнографического материала, собранного автором в ходе многолетних полевых исследований (2020-2025 гг.) в Кабардино-Балкарской Республике. Достоверность исследования обоснована репрезентативностью эмпирической базы (более 50 глубинных интервью, включенное наблюдение), комплексным анализом разнообразных источников (архивные документы, фольклорные тексты, материалы цифровой среды) и применением междисциплинарной методологии, базирующейся на синтезе традиционной этнографии, феноменологической социологии и теории ритуала. Критическое соотнесение полевых данных с отечественной и зарубежной историографией обеспечило обоснованность выводов работы.

Структура диссертации

Работа включает в себя введение, три главы, заключение, список источников и литературы и список этнографических терминов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность исследования похоронно-поминальной обрядности кабардинцев как комплексного феномена, сохраняющего архаические пласты мировоззрения и подверженного интенсивным трансформациям в условиях реисламизации, глобализации и социальных изменений начала XXI века. Определены объект (традиционная похоронно-поминальная обрядность кабардинцев), предмет (её структура, функции, символика и современные трансформации), территориальные (преимущественно Кабардино-Балкарская Республика) и хронологические (конец 2000-х - настоящее время с привлечением исторического материала) рамки. Сформулированы цель — комплексное изучение обрядности в традиционных формах и современных трансформациях и семь конкретных задач. Изложена методология, сочетающая полевую этнографию, включённое наблюдение, сравнительно-исторический, системный, интерпретативный подходы (К. Гирц, В. Тэрнер, А. Шюц, Г. Гарфинкель). Обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, представлены основные положения, выносимые на защиту.

В **I главе** «Архаические представления о душе (псэ) и загробном мире как основа похоронно-поминальной обрядности адыгов» реконструируются мировоззренческие основы обрядности. В параграфе **1.1** раскрывается роль архаических представлений в формировании обрядности. Центральное место занимает концепция души (псэ), понимаемой как универсальная жизненная сила, присущая не только человеку, но и всей природе. Анализируется семантика термина *псэ* в языке и фольклоре, его связь с этикой, социальным статусом и мифологическим божеством *Псатхъэ*. Показано, что вера в бессмертную душу, сохраняющую связь с живыми, породила культ предков, ставший смысловым ядром всей

похоронно-поминальной практики. На примере обрядов омовения, раздачи одежды покойного, приготовления поминальной пищи выявляются архаические мотивы заботы о душе и защиты живых. В параграфе **1.2** исследуется пространственная символика погребальных обрядов и процессы ревитализации культа души в современных условиях. Пространственная организация ритуала (закрывание зеркал, ограничения для беременных и детей, ориентация могил) анализируется как семиотическая система, маркирующая границу между мирами живых и умерших. Показано, что под влиянием урбанизации, глобализации и реисламизации происходит десакрализация ритуального пространства, упрощение практик и конфликт интерпретаций между приверженцами традиционного синкретизма (адыгэ хабзэ) и сторонниками «очищенного» ислама. Обсуждаются возможные пути адаптации и ревитализации смыслов культа *псэ*. В параграфе **1.3** анализируются концепции смерти и посмертного существования души. Выявлен синкретический характер представлений, сочетающих исламские концепции рая и ада с архаичными верованиями в перевоплощение, связь души с оружием, возможность влияния живых на загробную участь умершего через поминальные практики. Особое внимание уделено анализу современных нарративов, выявляющему мировоззренческий конфликт поколений и устойчивость базовых архетипов в коллективном сознании.

В **Главе 2** «Похоронно-поминальная обрядность кабардинцев» проводится структурно-сравнительный анализ традиционных и современных ритуальных практик. В параграфе **2.1** осуществляется сравнительный анализ современных и традиционных форм поминовения. Описываются канонические сроки поминок (3-й, 7-й, 40-й дни, годовщина), их содержание (чтение Корана, приготовление халвы - *хьэлыуэ*, раздача вещей покойного), трансформация в условиях коммерциализации (перенос трапез в кафе). Анализируются изменения в траурном этикете: сокращение сроков ношения траура, упрощение его внешних маркеров, гендерная специфика. Показано, что поминальные обряды, несмотря на изменения формы, сохраняют социально-интегративные и психотерапевтические функции. В параграфе **2.2** исследуется символика ритуалов погребения и её глубинная корреляция с обрядами деторождения. На основе принципов симпатической магии (Дж. Фрэзер) анализируются обрядовые параллели, отражённые в концепте «ЛПэрэ лъхуэрэ» («Рожающая и умирающая равны»). Выявляются сходные структуры защитных практик, табу, манипуляций с предметами (волосы, пуповина, имя) в ритуалах, сопровождающих рождение и смерть. Это демонстрирует целостность традиционной картины мира, где ключевые переходы жизненного цикла осмысляются через единые схемы защиты сакральных границ. В параграфе **2.3** описываются современные практики захоронения. Анализируются типы надгробий (от архаичных стел с гендерной символикой до современных мраморных плит с портретами), отношение к обустройству могилы и кладбища как к сакральному пространству. Особое внимание уделено **детской**

погребальной обрядности, которая рассматривается как особая система, отражающая представления о неполной социализации ребёнка. Показана её противоречивая трансформация на пересечении традиционных табу, усиливающейся ценности детства и радикальных исламских интерпретаций.

В Главе 3 «Анализ погребальных и поминальных обрядов» исследуются макропроцессы трансформации обрядности и её системные функции. **В параграфе 3.1** оценивается влияние процессов реисламизации 20-х годов XXI века на обрядовую сферу. Показано, что реисламизация порождает не унификацию, а внутренний раскол и конфликт интерпретаций между синкретичным «адыгством» и ортодоксальными исламскими дискурсами. Это ведёт к пересмотру, упразднению или гибридизации конкретных практик (отказ от поминальных трапез, критика надгробных изображений, изменение траурного этикета). **В параграфе 3.2** определяется роль погребальных и поминальных обрядов в сохранении этнокультурной самобытности кабардинцев. Обрядность анализируется как ключевой механизм трансляции культурного кода, поддержания коллективной памяти и укрепления социальной солидарности. **В параграфе 3.3** обряды и ритуалы рассматриваются как системообразующий фактор традиционной культуры. На основе теорий ритуала (В. Тэрнер) и этнометодологии (Г. Гарфинкель) показано, как в повседневных ритуальных взаимодействиях конструируется и воспроизводится социальный порядок, коллективные смыслы жизни и смерти. **В параграфе 3.4** выявляются основные тенденции развития обрядности в современный период: коммерциализация, индивидуализация, деритуализация, усиление религиозной регламентации на фоне сохранения базового архаического ядра, связанного с культом души (*нсэ*) и предков.

В Заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы, которые заключаются в следующем.

Похоронно-поминальная обрядность кабардинцев на протяжении многих веков являлась неотъемлемой и наиболее консервативной частью их традиционной культуры. Её мировоззренческой основой стали архаические, доисламские представления о душе (*нсэ*) как универсальной жизненной силе и о культе предков, формирующие сакральную связь между мирами живых и умерших. Последующая исламизация не отменила это ядро, а создала сложный религиозный синкретизм, где исламские нормы органично, но противоречиво переплелись с древними верованиями, магическими практиками и строгим этикетом *адыгэ хабзэ*.

События конца XX – начала XXI века внесли кардинальные перемены в устоявшуюся обрядовую практику. Главным фактором трансформации стал процесс реисламизации, который, однако, не привел к унификации, а породил глубокий внутренний раскол и конфликт

интерпретаций. Этот конфликт проявляется в противопоставлении традиционного синкретичного «адыгства», воспринимающего обряд как целостный акт памяти и заботы о душе, и дискурсов «очищенного» ислама, объявляющих многие обычаи (поминальные трапезы, надгробные изображения, строгий траур) запретными нововведениями. Это столкновение ценностей стало источником напряженности и межпоколенческих споров в современном кабардинском обществе.

Несмотря на давление глобализации и религиозного пуризма, похоронно-поминальные обряды не теряют, а трансформируют свою системообразующую функцию. С одной стороны, они остаются ключевым механизмом сохранения этнокультурной идентичности, «живым» кодом, связывающим людей с историей и предками, особенно в условиях урбанизации и диаспоры. С другой стороны, они становятся важным инструментом социальной и психологической адаптации, помогая пережить горе, укрепить семейные и общинные связи в быстро меняющемся мире. Со временем сложился гибридный комплекс практик: канонические исламские элементы (чтение Корана) сочетаются с адаптированными традиционными (сокращенные поминки), а также новыми, коммерциализированными формами (организация трапез в кафе).

В XXI веке похоронно-поминальная обрядность кабардинцев становится не просто сводом правил, а символическим полем, на котором разворачивается борьба за определение коллективной идентичности. Участие в обрядах, даже в измененном виде, превращается в осознанный акт утверждения своей принадлежности к народу. При этом сама обрядность демонстрирует удивительную семантическую пластичность: один и тот же ритуал (например, раздача поминальной пищи) может интерпретироваться и как благочестивая милостыня (*садака*), и как древний долг перед душой предка, и как современный акт социальной солидарности.

Детская погребальная обрядность оказалась наиболее чувствительным индикатором этих противоречий, находясь на пересечении традиционных табу, современной ценности детства и строгих религиозных предписаний. Её эволюция ярче всего показывает, как глубоко личное горе становится ареной столкновения культурных норм.

Таким образом, похоронно-поминальная обрядность кабардинцев предстает не как застывший этнографический реликт, а как динамичная и устойчивая система. Она сохраняет архаическое ядро, связанное с культом души, но постоянно «пересобирает» свои формы и смыслы, отвечая на вызовы времени. Эта способность к адаптации, несмотря на внутренние конфликты, и обеспечивает её непреходящую роль как хранителя культурной памяти и фундаментального механизма самоидентификации кабардинского народа в современном мире.

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в следующих публикациях (общий авторский вклад – 4,6 п.л.):

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Лакунова Д. Р. Трансформация похоронно-погребальных обрядов и ритуалов кабардинцев Кабардино-Балкарской Республики в начале 20-х гг. XXI в // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 2. С. 143-155. (авт. вклад – 0,8 п.л.);
2. Лакунова Д. Р. Роль погребальных и поминальных обрядов в сохранении самобытности кабардинцев // Казачество. 2024. № 81 (8). С. 39-47. (авт. вклад – 0,5 п.л.);
3. Лакунова Д. Р. Похоронно-поминальная обрядность кабардинцев в 20-х годах XXI в.: между традицией и псевдоортодоксией // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 600-607. (авт. вклад – 0,6 п.л.);
4. Лакунова Д.Р. Пространственная символика погребальных обрядов и ревитализация культа души (псэ) в похоронно-поминальной обрядности кабардинцев. Электронный журнал «Кавказология». 2025. № (4). С. 212-225. (авт. вклад – 0,9 п.л.).

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов:

5. Лакунова, Д. Р. Погребальная практика как отражение культурных кодов абхазо-адыгов // Успехи современной науки. 2016. Т. 5, № 9. С. 50-54. (авт. вклад – 0,5 п.л.);
6. Тайсаев Д.М., Лакунова Д.Р. Культ дерева как отражение культурных кодов абхазо-адыгов // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 160-167. (авт. вклад – 0,4 п.л.);
7. Лакунова, Д. Р. Адыгские обряды вызывания дождя в культе обоготворения мёртвых // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 37-1. С. 82-86. (авт. вклад – 0,4 п.л.);
8. Лакунова, Д. Р. Традиционные магические представления и обрядовые практики абхазо-адыгов, связанные с деторождением // Шаг в науку – 2021: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Нальчик, 08-10 февраля 2021 года / Министерство просвещения, науки и по делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики [и др.]. Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр РАН, 2021. С. 167-172. (авт. вклад – 0,5 п.л.).